

Г.Н. Алексеев

**Александр I: его личность,
правление и интимная жизнь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.Н. Алексеев**
Александр I: его личность, правление и интимная жизнь / Г.Н. Алексеев – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 62 с.

ISBN 978-5-517-96540-0

Новые материалы по биографии российских коронованных особ, состав-
ленные на основании заграничных документов.

ISBN 978-5-517-96540-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Время, въ которое Александръ былъ призванъ править Россіей, было такимъ образомъ чрезвычайно важное и серіозное. Волей судьбы, и именно судьбы, какимъ мы увидимъ ниже, а не самого вѣнценосца, Россія въ теченіи довольно долгаго и важнаго времени была призвана играть выдающую и даже руководящую въ международной политикѣ роль. Насколько Александръ воспользовался и насколько онъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ былъ въ состояніи воспользоваться представившимся ему благопріятнымъ положеніемъ для управляемаго имъ государства, въ смыслѣ укрѣпленія его вліянія среди европейскихъ державъ, а также въ смыслѣ культурнаго и политическаго подъема управляемыхъ имъ народовъ, мы постараемся изложить въ слѣдующихъ строкахъ, развернувъ передъ читателями, главнымъ образомъ, внутреннюю, такъ сказать, интимную сторону жизни и духовнаго развитія старшаго сына Павла, стоявшаго во главѣ управляемаго имъ государства 24 года, вошедшаго на престолъ вслѣдствіе трагической кончины отца своего, и уступившаго державу російскую также при обстоятельствахъ, по настоящій моментъ еще окончательно не выясненныхъ.

Александръ родился 12 декабря 1777 года. Онъ былъ сыномъ Павла отъ втораго брака съ вюртембергской принцессой Маріей Феодоровной. Наиболѣе выдающійся историкъ Россіи этого времени, Шиль-

дерь, а также профессор Ключевскій не раздѣляютъ мнѣнія, что Александръ, благодаря хлопотамъ бабушки Екатерины, получилъ хорошее воспитаніе; онъ былъ воспитанъ очень заботливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слишкомъ заботливо. Вскорѣ послѣ рожденія бабушка, которая считала себя большой педагогичкой, оторвала внука отъ матери, чтобы воспитать его по правиламъ тогдашней философской педагогики, т. е. „по законамъ разума и въ принципѣ добродѣтели.“ Тогда „Эмиль“ Руссо считался ходячимъ учебникомъ такой педагоги; этотъ учебникъ требовалъ, чтобы воспитаніе давалось человѣку крѣпкое, закаливавшее противъ всѣхъ житейскихъ и физическихъ невзгодъ; согласно съ этимъ Екатерина помѣстила маленькаго внука въ комнатѣ Зимняго Дворца, обращенной окнами къ Адмиралтейству, чтобы заранѣе пріучить ухо его къ пушечнымъ выстрѣламъ; но слуховой нервъ ребенка не вынесъ преждевременнаго закала, и великій князь на всю жизнь остался тугъ на одно ухо. Когда внукъ сталъ подрастать, она составила планъ воспитанія, по обычаю своему довольно полными пригоршнями зачерпнувъ правила въ буквальномъ переводѣ изъ сочиненій Локка. вмѣстѣ съ тѣмъ образованъ былъ штатъ воспитателей; главнымъ изъ наставниковъ былъ избранъ полковникъ Лагарпъ, швейцарскій республиканецъ, восторженный, но осторожный поклонникъ тогдашнихъ французскихъ

идей, „ходячая и говорливая французская книжка“. Учить великаго князя русскому языку призванъ былъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, очень почтенный и образованный человекъ и очень недурный писатель въ либерально-комическомъ и сантиментально-дидактическомъ направленіи. Наконецъ, общій надзоръ за воспитаніемъ порученъ былъ графу Салтыкову, одному изъ вельможъ Екатериненской школы, который зналъ твердо только одно, какъ жить при дворѣ, дѣлать, что скажетъ жена, и подписывалъ, что подасть секретарь; впрочемъ его партитура въ этомъ педагогическомъ оркестрѣ состояла въ томъ, чтобы предохранять великаго князя отъ сквознаго вѣтра и засоренія желудка. Лагарпъ, по его собственному признанію, принялся за свою задачу очень серьезно какъ человекъ, сознающій свою обязанность передъ великимъ народомъ. Онъ началъ читать съ великими князьями, съ Александромъ и Константиномъ, которые ему были поручены, латинскихъ и греческихъ классиковъ, Демосфена, Плутарха, Тацита; англійскихъ и французскихъ историковъ, философовъ и публицистовъ: Локка, Гиббона, Руссо, Мабли и т. д. Во всемъ, что онъ говорилъ и читалъ питомцамъ, шла рѣчь о человеческомъ разумѣ, о человеческомъ благѣ, о происхожденіи общества, о равенствѣ людей, о справедливости и настойчивѣе всего о свободѣ человека, о нечлѣпости и вредѣ деспотизма, о гнусности рабства и т. д. Добрый и умный

Михаилъ Муравьевъ подливалъ масла въ огонь, читая ребенку свои идилліи о любви къ человѣчеству, о законѣ мысли, заставляя переводить все тѣхъ же Локка, Гиббона, Руссо и т. д. Все это говорилось и читалось будущему самодержцу россійскому въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, т. е. довольно преждевременно. Въ эти годы, когда люди живутъ непосредственно впечатлѣніями и инстинктами, отвлеченныя идеи превращаются у нихъ въ политическіе образы, моральные принципы въ чувства; преподаваніе Лагарпа и Муравьева не давало ни реальныхъ знаній, ни логической дрессировки ума, не вводило въ историческую дѣйствительность и не могло еще серіозно возбуждать и направлять мысли; высокія идеи въ умѣ двѣнадцатилѣтняго политика и моралиста отлагались какъ политическая и моральная сказка, наполнявшая дѣтское воображеніе недѣтскими образами и волновавшая его незрѣлое сердце очень зрѣлыми чувствами. Если мы прибавимъ къ этому графа Салтыкова съ его доморощеннымъ курсомъ придворной гигиены и придворныхъ манеръ, то легко замѣтить, какой пробѣлъ оказался въ воспитаніи великаго князя; „его учили, какъ чувствовать и какъ держать себя, но не учили, какъ мыслить и дѣйствовать, ему не задавали ни житейскихъ, ни научныхъ вопросовъ, которые бы онъ разрѣшалъ самъ, ошибаясь и поправляясь; ему на все давали готовый отвѣтъ, политическіе и нравственные

догматы, непререкаемыя истины, которыхъ не нужно; оставалось только прочувствовать и затвердить; его не заставляли ломать голову, его не воспитывали, а какъ сухую губку пропитывали дистиллированной и общечеловѣческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли. Великій князь не познакомился со школьнымъ трудомъ, съ его миньютюрными горями и радостями; онъ не видалъ борьбы школьника съ учебникомъ, не испыталъ побѣдъ на холодныхъ поляхъ ученическихъ тетрадей, тѣхъ побѣдъ и поражений, которыя, можетъ быть, одни только и даютъ школѣ серьезное воспитательное значеніе. Александръ очень много читалъ, еще больше слушалъ, но онъ мало учился!“ Изъ записокъ второстепенныхъ русскихъ учителей мы часто видимъ горькія жалобы на его праздность, медленность и лѣнь, нелюбовь его къ т. н. упражненіямъ. Когда великій князь подросъ настолько, чтобы понимать, а не чувствовать лишь возвышенные уроки Лагарпа, онъ искренно привязался къ идеалисту-республиканцу и сталъ слушать его съ наслажденіемъ, только то былъ художественный моціонъ, а не умственная работа. Благодаря преподаванію Лагарпа и Муравьева легко понять, какой обильный пріемъ политическихъ и нравственныхъ идиллій данъ былъ великому князю. Эта идиллія подѣйствовала на его вкусы; великій князь сталъ рано думать о сельскомъ уединеніи, не могъ безъ восторга пройти мимо поле-

вого цвѣтка, крестьянской избы и т. п.; онъ рано привыкъ скользить по житейскимъ явленіямъ легкимъ взглядомъ того человѣка, для котораго жизнь — пріятное препровожденіе, а міръ обширный кабинетъ для эстетическихъ и политическихъ наслажденій. Съ лѣтами все это измѣнилось. Случилось такъ, что этотъ обширный и полезный процессъ въ Александрѣ былъ прерванъ. Зная по опыту, какъ добродѣтель таетъ легко подъ палящими лучами страсти, императрица Екатерина поспѣшила застраховать своего внука, женивъ его въ 1793 г., когда ему не исполнилось еще 16 годѣ; для этого была призвана Баденская принцесса Елизавета Алексѣевна. Каковъ бы ни былъ взглядъ на бракъ, но правъ Фонвизинскій недоросль, сказавъ, что женитьба или замужество — конецъ ученію. Теперь для Александра пошли другіе интересы, началось другое развитіе, непохожее на прежнее юношеское. Греція и Римъ, республика, свобода, равенство, какое же мѣсто, спрашивается, въ этомъ kaleidoscope героическихъ образовъ и политическихъ идеаловъ занимаетъ Россія со своимъ невзрачнымъ прошедшимъ, съ неограниченной монархіей, съ крѣпостнымъ правомъ и т. п. особенностями политическими и социальными; какъ въ головѣ великаго князя родная дѣйствительность могла укладываться съ тѣмъ, что проповѣдовалъ губернёръ-республиканецъ? Очень просто: ее, эту дѣйствительность, признавали какъ

фактъ низшаго разбра, какъ стихійное неразумное явленіе, признавали ее и игнорировали, т. е. ничего объ ней больше знать не хотѣли. Лагарпъ въ этомъ отношеніи поступалъ съ великимъ княземъ какъ въ бывшее время поступала гувернантка съ дѣвучкой. Воспитательница, дѣвица не первой молодости, нарицуетъ, бывало, воспитанницѣ очаровательный міръ благовоспитанныхъ людскихъ отношеній, основанныхъ на правилахъ строгой морали, строжайшей вѣжливости, въ которомъ даже показать кончикъ носка изъ подъ платья грѣхъ — и вдругъ обѣ дѣвы тутъ же въ домѣ налетаютъ на натуральную сцену: юная устремитъ на старую изумленный и сконфуженный взглядъ, а та успокоитъ ее и скажетъ: „ничего, иди къ себѣ“. Лагарпъ осторожно обходилъ больныя мѣста русскаго государственнаго и общественнаго порядка, а впоследствии онъ совѣтовалъ питомцу и не лѣчитъ ихъ. Съ грузомъ античнаго образованія и самоновѣйшихъ политическихъ идей, Александръ вступилъ въ дѣйствительную жизнь. Она встрѣтила его не то, чтобы сурово, а какъ то безсмысленно. Бабушкинъ внукъ онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сыномъ своего отца и сталъ въ очень неловкое положеніе между отцомъ и бабушкой; то были два двора, два особые міра; нравственное разстояніе между ними было несравненно шире географическаго. Каждую пятницу старшіе великіе князья, Александръ и Константинъ, должны были

отправляться въ Гатчину; по субботамъ бывалъ парадъ, Гатчинскій вахтъ-парадъ, слѣдовательно не шутка. Старшій великій князь былъ командиромъ втораго батальона, младшій третьяго, вечеромъ они возвращались въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ Александръ слушалъ жестокую команду, суровыя слова, непріятные казарменные жесты и размахиванья; а вечеромъ, возвратясь въ Петербургъ, попадалъ въ салонъ Екатерины, въ тѣ залы Зимняго Дворца, которыя назывались Эрмитажемъ, уединеніемъ, и гдѣ императрица проводила вечера въ избранномъ обществѣ; здѣсь шли толки о самыхъ важныхъ политическихъ предметахъ, велись самыя остроумныя бесѣды, шутились самыя изящныя шутки, смотрѣлись самыя отборныя французскія пьесы, а грѣшныя дѣла и чувства облекались въ самыя опрятныя прикрытія.

Вращаясь между двумя столь непохожими дворами, Александръ долженъ былъ жить на два ума, держать двѣ парадныя фізіноміи, кромѣ ежедневной-домашней. Какая школа для выработки на тянутости, осторожности, скрытности, неискренности и какъ мало она была похожа на школу Лагарпа и Муравьева

Со смертью Екатерины кончилась двухсмысленная жизнь; она замѣнилась однообразными, но очень суровыми тревогами; эти тревоги происходили изъ старинныхъ отношеній отца къ сыну; отецъ рано сталъ

питать недовѣріе къ сыну, рано отъ него оторванному; сынъ сталъ рано питать нѣкоторое недовѣріе къ отцу. Оба они были неправы и оба не были виноваты. Съ воцареніемъ Павла, Александръ назначенъ былъ на постъ военнаго губернатора въ Петербургъ и командиромъ расположенныхъ въ округъ войскъ; онъ долженъ былъ испытывать ежедневныя тревоги, трепетать вмѣстѣ съ обществомъ передъ новыми замыслами государя. Эти тревоги среди которыхъ завязалась популярность великаго князя, надолго набросила тѣнь на его настроеніе. Надо признаться, что Александръ шель къ престолу не особенно гладкой и ровной дорогой; съ пленокъ надъ нимъ перепробовали немало мудренныхъ и причудливыхъ воспитательныхъ экспериментовъ; его не во время оторвали отъ матери для опытовъ разной естественной педагогіи; ни въ бабушкиномъ салонѣ, ни на отцовскомъ вахтпарадѣ, ни въ Лагарповской аудиторіи его не выучили какъ слѣдуетъ родному языку; современники свидѣтельствуютъ, что Александръ до конца жизни не могъ вести по русски разговора о какомъ нибудь сложномъ предметѣ. Такъ воспитывался великій князь и съ такимъ запасомъ понятій, чувствъ и наблюденій онъ вступилъ на престоль. Давно уже у него сложился политическій идеаль, который онъ высказывалъ въ бесѣдѣ съ рѣдкими людьми, къ которымъ относился откровенно; къ числу ихъ принадлежалъ молодой образованный полякъ

Адамъ Чарторійскій, котораго приставила къ нему мать. Князь Адамъ Чарторійскій позже уже вспоминалъ эти бесѣды съ великимъ княземъ, отъ которыхъ онъ былъ въ большомъ восторгѣ. Александръ, встрѣтивъ въ окружающемъ обществѣ единственнаго чловека, передъ которымъ онъ могъ открыться, кажется старался вынести изъ души все, что тамъ лежало; онъ открыто признавался, что ненавидитъ деспотизмъ, въ какихъ бы формахъ онъ не проявлялся и слѣдилъ съ живымъ участіемъ за ходомъ французской революціи, за рожденіемъ французской республики и желалъ ей всякаго успѣха; онъ высказывалъ также, что считалъ наследственную власть нелѣпнымъ учрежденіемъ, что выборъ лица, носителя верховной власти, долженъ принадлежать не рожденію, а голосу націи, которая всегда выберетъ лучшаго управителя.

Съ этимъ идеаломъ онъ вступилъ на престолъ тутъ впервые онъ вѣроятно долженъ былъ встрѣтиться съ русской дѣйствительностью; прежде онъ зналъ либо салонъ, либо казарму. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ почувствовать страшную пропасть между его привычными любимыми идеями и между столь же привычными, хотя и нелюбимыми фактами русской жизни. Отсюда изъ такого воспитанія онъ вынесъ свой главный недостатокъ: отсутствіе чутья дѣйствительности, пракческаго глазомѣра; это чутье и глазомѣръ не даются даромъ. Александръ зналъ факты,